

свое обещание. С этой целью он уговорил Короля совершить поездку в лагерь под Перпиньяном. Во время осады сего города самые богатые люди Сарагосы удалились в Кастилию и другие провинции. Намерения Кардинала заключались в том, чтобы доставить Короля в Барселону во главе сорокатысячной армии, послать одного из лучших генералов с некоторой частью войск в Португалию и одновременно осадить Фонтарабию, взяв которую (ибо, по всей видимости, Испанский король не смог бы оказать здесь должный отпор), армия должна была пройти вдоль Пиренеев, дабы соединиться затем с войсками Короля. Во всей Наварре надобно было осаждать только Памплону. Королю эта затея пришлась весьма по вкусу, и он приказал привести в порядок дорогу на Монт-Серратскую обитель. В самом деле, на это потратили восемь тысяч ливров, а работы произвели более чем на сто тысяч франков, ибо крестьяне, узнав, что это делается для короля Франции, не хотели брать денег. Кольюр взяли до Перпиньяна, но только благодаря чистойшему случаю: замок, стоящий на скале и обнесенный стенами ужасающей толщины, не страшился ни ядер, ни подкопов. Маршал де Ламейре, однако, велел — без особого смысла — заложить мшиную галерею, и взрывом засыпало единственный колодезь у осажденных. Таким образом, чтобы не помереть от жажды, им пришлось сдаться.

Сальс ценится гораздо выше. Покойный принц Конде⁶⁰ взял его. Ботрю говорил, что по этому поводу можно было бы выпустить внеочередной номер «Газетт»,⁶¹ поскольку до того Принц потерпел неудачу под Долем и Фонтарабией. Человек, знающий свое дело, может, сидя в Сальсе с пятьюстами солдат, погубить сорокатысячную армию. Эспенав ввел туда три тысячи человек, которые совершенно изголодались. Впоследствии этот город был застигнут нашими врасплох, когда шли на Перпиньян. Этот Эспенав был колыбельным невеждою: он разместил большое количество конницы в Таррагоне, а потом сдался неизвестно по какой причине. Умер он в должности коменданта Филиппсбурга. В начале войны было нетрудно пробить себе дорогу; ждали кто знал воинское ремесло хоть понаслышке, перед ним уже заискивали, ибо этого ремесла не знал никто.

Отправляясь в Русийон, Кардинал узнал в Тарасконе, что Машо, советник по присуду прошений, велел весьма неосмотрительно повесить в Нарбонне нескольких хлеботорговцев. Кардинал захотел узнать все подробности этого дела. Ему сказали, что в городе находится лекий парижский адвокат, по имени Ланглуа (во Дворце Правосудия его звали Ланглуа «фехтмейстер», потому что его отец занимался этим ремеслом, дабы отличить его от других, пославших то же имя). Этот адвокат был когда-то Королевским прокурором в ведомстве Машо. Ланглуа приходит к Кардиналу и, излагая ему дело, все время называет его не иначе как «Сударь». Все, кто при этом присутствовали, шепчут ему: «Говорите „Монсеньер“». Тот продолжает по-прежнему говорить «Сударь». Кардинал давился от